

жанр. Это произошло только с Ломоносовым» [Серман, 1973: 56]. Ломоносов явился создателем нового жанра новой литературы – классицистической оды. А для этого потребовалось обновление арсенала языковых средств, реформа литературного языка, начатая им в это время. Частью этой реформы было обновление системы образных средств русской лирики. То, что теоретически было разработано Ломоносовым в «Грамматике» и «Риторике», получило блестящее воплощение в его поэтической практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М., 1939.
2. *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин. – Л., 1987.
3. *Колесов В. В.* Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб., 2002.
4. *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия / Р. Лахманн. – СПб., 2001.
5. *Лебедева О. Б.* История русской литературы XVIII века / О. Б. Лебедева. – М., 2000.
6. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. VII. Труды по филологии. Т. VIII. Поэзия. Ораторская проза. Надписи // М. В. Ломоносов. – М.-Л., 1952–1959.
7. *Морозов А. А.* Ломоносов и Барокко / А. А. Морозов // Русская литература. – 1965. – № 8.
8. *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского / А. А. Морозов // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. – Л., 1971.
9. *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира) / И. З. Серман. – Л., 1973.
10. *Сумароков А. П.* Критика на оду // Библиотека русской критики: Критика XVIII века / авт.-сост. А. М. Ранчин, В. Л. Коровин. – М., 2002.

Н. А. ТРОФИМОВА,

доктор филологических наук, доцент

ОНТОЛОГИЯ ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ

Злопожелания относятся к речевым актам эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, или, как мы их называем, инфлюктивным речевым актам, поводом для которых является ощущение говорящим несоответствия адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней [Трофимова, 2009: 129]. Выделение отдельного класса злопожеланий противоречит мнению Дж. Л. Остина, в классификации речевых актов которого формулы пожелания как единый класс относятся к группе бехабитивов, включающих в себя «понятие реакции на поведение других людей, их судьбу и установки и выражение установок по отношению к чьему-то поведению в прошлом или будущем» [Остин, 1999: 132]. Этот авто-

ритетный ученый не разделяет функционально-семантические группы пожеланий с положительной и с отрицательной экспрессией. Однако, с нашей точки зрения, именно положение пропозиции пожелания на оценочной шкале должно стать отправной точкой при определении его отнесенности к тому или иному классу. Поэтому мы «разводим» этикетное пожелание как конвенциональное «поглаживание» и злопожелание как речевой акт эмоционального воздействия в разные группы класса экспрессивов – социативов и инфлюктивов. Инфлюктивы (от лат. *influcto* – воздействовать) выражают оценочные чувства-отношения, это всегда воздействия, направленные вовне, «предполагающие изменение отношения адресата к тому или иному объекту, влияние на его поведение, психологический настрой, физиологические процессы либо категориальную перестройку его сознания» [Шелестюк, 2008: 166].

Злопожелания определяются как «выраженные словами пожелания какой-либо беды, являющиеся отражением известного душевного состояния человека»; в них «вкладывается пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни...» [Самойлова]. Речь идет о речевых актах неперскрипционного характера, их произнесение вызвано лишь аффективными состояниями говорящего и не является институализированным для какой-либо разновидности речевых ситуаций, поэтому можно утверждать, что они призваны выполнять исключительно экспрессивную функцию.

Как в случае с любым инфлюктивом, успешность, эффективность злопожелания не зависит от статуса говорящего, то есть ситуация общения не обязательно должна быть асимметричной, ведь выражение аффекта, «выпускание пара» не видит границ и возможно при совершенно разном распределении социальных ролей. Примером злопожелания при равном статусном положении может служить следующее высказывание дошедшей до крайности женщины, предназначенное ее супругу, долгое время мучившему ее оскорблениями и побоями: *Ich wünsche dir – dir und deinesgleichen – Krebs im Endstadium. Aber nicht, dass du so nach 4 Wochen schon abnibbelst, NEIN monatelang soll dein Todeskampf gehen, du sollst um Tod betteln und wimmern!* Примером статусной инверсии при злопожелании является, например, обращение подростка к своим родителям: *Ach, leckt mich doch alle am Arsch! Steckt euch doch euer Silvester so tief rein, dass es oben wieder mit der Kotze rauskommt!* – нестандартная ситуация, возможная лишь в случае потери контроля говорящего над собой, когда нивелируются все границы между социальными ролями (стандартное общение предполагает уважительное отношение детей к родителям).

Особенностью злопожеланий является нестандартная модель адресата: в них реальный собеседник часто является не субъектом,

а объектом тех отрицательных перемен в состоянии дел, которых желает отправитель, он есть то лицо, во вред которому произносится текст [Толстая, 1994: 176]. Подлинным же адресатом является некто (нечто), имеющий возможность влиять на события, часто исполнителем негативного пожелания предполагаются высшие силы (Бог, святые, духи или нечистая сила). В высказывании *Du kannst mich jetzt ein für alle Mal! Ich lege keinen Wert auf falsche Freunde! Verrotte in der Hölle! Wir werden uns dort sehen!* выражается пожелание его адресату попасть в преисподнюю – пожелание, исполнение которого подвластно только представителям потусторонних сил.

В немецком языке злопожелание обозначается словами *Verwünschung, Verfluchung* (и его синонимами *Verdammung, Bann* и др.), различия между которыми определяются носителями языка следующим образом: *Verwünschung* – злопожелание, имеющие последствием длительное невезение адресата (от готской приставки *for-* со значением «*weg*»), то есть пожелать адресату, чтобы он куда-нибудь попал, исчез и т. д. *Jemanden irgendwohin wünschen, z.B. zum Teufel*: *Scher Dich hin, wo der Pfeffer wächst. Verfluchung* – более сильное злопожелание (проклятие), имеющее следствием длительный вред адресату, даже смерть: *Du elende Mistkröte! Ich wünsche dir die Hölle auf Erden!* Такие злопожелания уходят корнями в средневековые религиозные проклятия – магические действия, направленные на причинение (или желания) всяческих бед, закрытие для жертвы возможности наслаждаться жизнью, лишения ее малейшей вероятности благоприятного исхода событий.

Проклятие наиболее ярко выражало регулятивную роль культа, оно являлось санкцией за антиповедение, отклонение от принятых стандартов, за нарушение клятвы, договора, церковных правил, за еретически-атеистическое мировоззрение и образ жизни. Поле применения проклятия было весьма обширно, оно выступало как универсальное средство воздействия на жизнь человека. Сегодня проклятия-злопожелания потеряли свой сакральный смысл и используются для выражения крайне эмоционального негодования по отношению к чему или кому-либо. Их следует рассматривать как проявление сильной деструктивной агрессии, то есть как имеющее отрицательные последствия коммуникативное воздействие и взаимодействие, это речь, оцениваемая в пейоративных определениях как грубая, бранная, ругательная, обидная, оскорбительная, унижающая, подавляющая и т. п. [Щербинина 2008: 7].

Злопожелания-«посылы» («отсылы»), как их называет В. М. Мокиенко [Мокиенко, 1994: 62], к какому-либо реальному или мифологическому персонажу, олицетворяющему зло, губительное начало (*der Henker, der Teufel* или *der Kuckuck* как его эвфемизм), наиболее четко

демонстрируют связь бранного и сакрального. Они представляют собой пожелания зла и неудачи, для них характерен семантический синкретизм значений «нечистая сила» и «зло, болезнь, неудача». Посыл не обязательно прямо называет это существо, он может указывать только на место его пребывания – некое «чужое» пространство, особенно подверженное воздействию нечистой силы: *die Hölle, wo der Pfeffer wächst. Ich will es nicht mehr hören! «Ich bin doch deine Freundin» – fahr zur Hölle eh. Verbreite deinen verdammten Lügen dort.* Посылы такого рода превратились сегодня в своеобразные клише злопожеланий, говорящие не задумываясь об их действительном содержании, для них важно послать адресата, и преисподняя возникает в сознании как первая ассоциация с царством страданий и тьмы. Поэтому формулы злопожеланий-посылов не демонстрируют разнообразия форм, они представлены прежде всего императивами глаголов *gehen, fahren* в сочетании с существительными *Hölle, Teufel: Geh zum Teufel! Fahr zur Hölle!*

Более «креативными» злопожеланиями являются выражения, прямо именующие «способ» наказания того человека, к которому обращен речевой акт: *Mich kotzt das voll an, ihr sollt an eurem Scheißgelaber einfach ersticken!!! Und dann soll auf dem Grabstein stehen: Verreckt am Scheißgetratsche!!! Oder der Blitz soll euch beim Scheißen treffen!!!!!!!!!!!!* и т. п. Разнообразие подобных злопожеланий в повседневной эмоциональной речи поистине неисчислимо, в них проявляется фантазия говорящего, степень его эмоциональной «заряженности», уровень его речевой компетентности. Такая множественность и разнообразие понятны и объясняются ставшей частью сознания древней верой в магическую силу слова, возможностью «овеществить» его и обратить в оружие против недругов и соперников. В. М. Мокиенко говорит о них как о мощном генераторе современных бранных выражений, поскольку в речи по таким моделям постоянно образуются новые и новые ругательства-злопожелания, самым тривиальным из которых является пожелание смерти: *Du Feigling, Arsch, stirbt doch alle!!!!*

Злопожелания являются, как правило, полиинтенциональными речевыми актами: краткая формула пожелания неприятностей слишком лаконична, чтобы удовлетворить потребность говорящего в эмоциональном катарсисе. Потому речевые акты злопожелания полиструктурны, «гибридны»: отдельные компоненты злопожелания – своего рода сообщающиеся сосуды, по которым «растекается» содержание единого речевого акта. В комплексном выражении злопожелания могут мозаично сочетаться следующие интенции:

• открытая, без боязни иллокутивного «самоубийства» декларация интенция проклинания: *Ich verfluche dich mit voller Inbrunst;*

• выражение психологического состояния говорящего, когда открывается некий катартический «клапан», позволяющий говорящему выплеснуть всю гамму скопившихся в нем отрицательных эмоций, эту функцию выполняют сопровождающие большинство злопожеланий инвективы: *Damit nicht genug, willst du mir auch noch meinen einzigen Lebensinhalt wegnehmen, du feiges Arschloch!!!! Deine beschissene Ehre, dein noch viel beschissenerer Stolz sollen eines Tages DEIN Tod sein, nicht meiner!*

«Выпускание пара» происходит не только при инвективном назывании партнера, огромную роль играет при этом и спонтанное выражение эмоций при помощи самых разнообразных междометных структур, как, например: *ey pass ma auf du scheißverdammte schlampe!!! lass doch einfach mal deine scheißfinger von ihm!! boaaaaa!!!!!!!*

• вымещение своей желчи и злобы собственно пожеланиями всевозможного негативного: *Ich verfluche dich mit voller Inbrunst. Keine Minute sollst du mehr glücklich werden bis zu deinem Tod. Die waltende Gerechtigkeit soll dir Job, Gesundheit und Familie sowie Freunde nehmen! Du sollst solche Qualen erleiden müssen, dass du dir deinen Tod herbeisehnst!!!*

• информирование адресата о причинах вербализации этой внутренней агрессии, констатация положения дел, приведшего к ситуации выражения злопожелания: *ey dumme bitch ich hasse dich mehr als alles!!! Stirb doch! Sooft wie du mich in einem Jahr verletzt hast hat mich niemand in meinem ganzen leben!!!!!!*

Сценарий совершения полиинтенционального речевого действия злопожелания можно, таким образом, сравнить со сценарием судебного заседания, в котором говорящий выступает в двух лицах – обвинителя и судьи: сначала обвинитель сообщает о прегрешениях адресата, осуждая его, затем судья выносит ему приговор, проклиная его, насылая на него всевозможные беды.

В диалогическом единстве злопожелание является чаще всего реакцией на действие, то есть инициирующей репликой в акте коммуникации. Поводом для злопожелания служат самые различные действия адресата, нанесшие вред адресату и/или социально осуждаемые, как, например, любовные заигрывания или, хуже того, интимные отношения с партнером говорящего. В ситуации измены партнера отравленный ревностью, разъяренный говорящий/ая реагирует, например, таким образом: *du bist so ein billiges miststück! geh zurück in deinen puff alter. mit deinen scheiß billigen schlampenbilder mit bauchnabelausschnitt. du bist so ein elendiges dummes billiges luder lass die finger von ihm du scheiß dummes ehlenndiges mistkind!!! geh sterben oder so aber lass es! du dummes scheiß fuck verdammt elendiges fugly hurenkind!!! WAAAAAAAAAAAAAAAAA*

К социально осуждаемым явлениям относятся пьянство и дебошество, а также употребление наркотиков, которые приводят к моральной деградации адресата и эмоциональному надрыву окружающих его людей. Примером злопожелания-проклятия в общении с абсолютно опустившимся наркоманом может служить следующий речевой фрагмент: *...Ich hasse Dich! ...du hast mich echt nur beschissen! Mein Geld gezockt, ... damit du dir noch mehr «Zeugs» durch deine verschissene «Kokanase» ziehn kannst! Verreck dran, ... ich hoffe du bleibst drauf hängen und man weist Dich ein!*

Злопожелания могут появляться и в реплике-реакции на некоторое высказывание адресата, выводящее говорящего из состояния равновесия. Это может быть упрек в несостоятельности, угроза, просто крайне негативное мнение о положении дел, имеющем исключительное значение для говорящего. В примере *Hör auf, mich zu terrorisieren und mach dir lieber Gedanken darüber, wie du dein Kind ernähren wirst! Und deine neunmalklugen Sprüche kannst du dir in deinen hässlichen Arsch schieben!!! Du Wurst!* злопожелательная тирада в адрес партнера является своего рода интериоризацией физического удара и материализацией фонтана отрицательных эмоций. Она рождается в ответ на грубое требование адресата избавиться от неожиданной и нежелательной для него (отца будущего ребенка) беременности.

Завершая краткое психологическое описание речевого акта злопожелания, следует отметить, что в силу своей остро негативной семантики он занимает особое место в ряду высказываний, интенцией которых является улучшение желаемого положения дел в реальной жизни. С одной стороны, формулы злопожеланий практически полностью утратили первоначальную магическую функцию и сменили прагматическую функцию, став знаком выражения негативной экспрессии говорящего. С другой стороны, смена религиозных представлений и этических установок не исключила экзистенциальный страх перед «черным списком» фактов, объясняющий значительный перлокутивный эффект речевого акта злопожелания. Анализ показывает, что существует некий достаточно широкий континуум, присущий каждой национальной культуре, представители которой прибегают в случае коммуникативной необходимости к той или иной части этого континуума: от клишированной междометной до наиболее резкой, грубой, вульгарной и даже нецензурной в социальных, возрастных, гендерных и др. факторах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокшанцев, М. В. *Словарь нецензурной лексики: цензурное и нецензурное / М. Мокшанцев. – М.: Издательство «Лингва», 1994. – № 1/2. – С. 50–73.*
2. Олдрич, Дж. *Словарь нецензурной лексики: пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – М.: Издательство «Лингва», 1999.*

3. *Самойлова Е. Е.* Проклятия как форма конвенционального поведения / Е. Е. Самойлова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/samoylova3.htm>

4. *Толстая С. М.* Вербальные ритуалы в славянской народной культуре / С. М. Толстая // *Логический анализ языка. Язык речевых действий.* – М.: Наука, 1994. – С. 176–179.

5. *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты: семантический, прагматический, грамматический анализ / Н. А. Трофимова. – СПб.: ВВМ, 2009.

6. *Шелестюк Е. В.* Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи / Е. В. Шелестюк // *Вестник Челябинского государственного университета.* – Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 22. – № 20 (121). – 2008. – С. 166–176.

7. *Щербинина Е. В.* Вербальная агрессия / Е. В. Щербинина. – М.: ЛКИ, 2008.

И. А. ЩИРОВА,

доктор филологических наук, профессор

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ ОПИСАНИЯ ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА СЛОЖНОГО

Своеобразие современных подходов к объектам исследования во многом определяется доминирующими в науке субъектными стилями мышления: объявив человека мерой научного анализа, наука ориентирует нас на поиск гибких креативных решений. О «человекомерности» современной науки убедительно свидетельствует концептуальный переход от онтологических споров об обоснованности обсуждаемых концепций к спорам об их практической целесообразности, находящий выражение в тезисах о гипотетичности знания и истинности как эвристической полезности. Двухзначная логика перестает быть единственным инструментом философского познания мира: потребности «человекомерной» науки скорее отражают многозначные, интенциональные и модальные неклассические логики, трактующие истинность подвижно, по отношению лишь к одному из описываемых ими «возможных миров».

Обращение к языку интуитивно-метафорических многозначных понятий и вероятностные подходы к научным объектам диктуются не только общей гуманитаризацией и как следствие – аксиологизацией познания, но и *усложнением* самих объектов. Категория сложного становится важным мировоззренческим и познавательным ориентиром. Сложные задачи заставляют искать научные решения, основанные на новых теоретических и методологических принципах.

Сложность мира интересовала еще античных философов, размышлявших о его природе и различениях, вводимых человеком для ее